
АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН
СЕРИЯ КНИГ
ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО
ПОЛЁТ
СССР
КНИГА ТРЕТЬЯ

Александр Ладогин

Последнее слово

«Автор»
2026

Ладогин А.

Последнее слово / А. Ладогин — «Автор», 2026

Шестнадцать лет в преступлении обвиняли человека, который уже не мог себя защитить. Теперь его дочь может узнать правду. Но готова ли она услышать её целиком?Петербург, 2027 год. Журналистка Алиса Шелестова возвращается к делу о двадцати восьми письмах и исчезнувших миллионах. Финансовый эксперт Антон Лесовой обнаруживает, что когда-то помог обвинению собственной ошибкой. Исправить её — значит поставить под удар карьеру, семью и всё, что он привык считать правильным.А человек, которому выгоднее всего забыть старое дело, неожиданно требует суда. Почему он не боится приговора? И что обнаружится, когда свидетели наконец заговорят?Поддельные документы, чужие тайны, семейные разломы и опасная цена молчания сходятся в одном расследовании.«Последнее слово» — заключительная книга трилогии «За закрытыми дверями». Самостоятельная история, которую можно читать без первых двух томов.

© Ладогин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Подлинники 5
Глава вторая. Член совета дома 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Последнее слово

Часть первая. Подлинники
Глава первая. Точное время не продаём

I

Санкт-Петербург, Сампсониевский проспект. Понедельник, 5 апреля 2027 года.

В мастерской одновременно шли сорок три часа, и ни одни не показывали одного и того же.

Родион Нестеров открывал в девять и первые десять минут ничего не делал. Опирался на трость у прилавка и слушал. Настенные «Янтарь» над дверью торопились на четыре минуты, напольные с медным маятником из старой квартиры на Петроградской отставали на полторы, кухонный будильник в форме совы спешил без всякого стыда. Десятки голосов, тяжёлых и лёгких, сухих и звонких, складывались в шум, похожий на дождь по жестяному карнизу. Если какие-то часы ночью вставали, Нестеров слышал это от самой двери, раньше, чем находил выключатель: в дожде появлялась дыра.

Сегодня дыры не было. Он повесил трость на крючок у верстака и включил лампу.

Вывеску заказывал ещё старик-хозяин, Филипп Корнеевич, и, когда Нестеров спросил, зачем такая, ответил:

— Затем, что точное время продают в Пулкове. А мы чиним механизм.

Белые буквы на синей жести давно облупились: «Ремонт часов. Точное время не продаём». Старик умер в девятнадцатом году и оставил мастерскую ему, вместе с вывеской, долгом за электричество и котом, который пережил хозяина на два года. Долг Нестеров погасил за три месяца. Вывеску менять не стал.

Мастерская занимала полуподвал, четыре ступеньки вниз от тротуара. Вторая ступенька шаталась ещё при старике, и каждую весну управляющая компания включала её в план и вычёркивала из него. Нестеров не торопил управляющую компанию. Человек, который один

раз качнулся на второй ступеньке, дальше спускался, глядя под ноги, и входил в мастерскую аккуратно, как в чужую квартиру. А с часами иначе нельзя.

Сам он спускался боком: сначала трость, потом правая нога, за ней левая. Левая слушалась на дождь хуже, на мороз ещё хуже, но слушалась. Почти шестнадцать лет назад врач в Елизаветинской сказал, что ходить он не будет, и это была единственная ошибка в жизни, которую Нестеров простил человеку без всяких условий.

В половине десятого пришла Аглая Тихоновна с третьего этажа. Она приходила каждый первый понедельник месяца, всегда с одними и теми же кухонными часами с ромашками на циферблате.

— Опять встали, Родион Фомич?

— Это вы мне скажите. Вы же принесли.

— По-моему, встали, – твёрдо сказала она. – Утром на них было без двадцати, а по радио уже без пятнадцати.

Нестеров промолчал: с радио он не спорил.

— Оно не может спешить. Оно государственное.

Он открыл крышку. Часы шли. Батарейку он поменял ей месяц назад, и в прошлом месяце, и, судя по всему, поменяет в следующем. Аглае Тихоновне было восемьдесят два, муж у неё умер, дочь жила в Мурманске, и говорить ей было не с кем, кроме радио, которое не отвечало. Нестеров вынул батарейку, протёр контакты, вставил ту же самую обратно и закрыл крышку.

— Сто рублей.

— А в «Ленте» батарейки по семьдесят.

— Там вам контакты не протрут.

С этим она согласилась. Отсчитала сто рублей мелочью, по десять, складывая столбиком на прилавке, и, пока складывала, рассказала, что на Неве пошёл лёд, что корюшку в этом году обещают поздно и что внук соседки поступает в Горный, а там конкурс как в театральный. Нестеров слушал. Этого она и приходила купить, а сто рублей были приличием.

Сверху, с тротуара, донёсся её голос: «Осторожно, вторая!» Спускалась девочка лет восьми в розовой куртке нараспашку. Мама осталась наверху с телефоном. Девочка положила на прилавок пластмассовые часы с единорогом, у которых стрелки болтались под стеклом сами по себе, и честно призналась, что купалась в них. Нестеров вскрыл крышку ногтем, высушил механизм резиновой грушей под лампой, и через десять минут стрелки пошли.

— Сколько с нас? – крикнула мама сверху.

— Нисколько. Гарантийный случай.

— Мы же не у вас покупали.

— Тем более.

Девочка поднималась, держась за перила, и на второй ступеньке посмотрела под ноги.

II

К обеду пришёл подросток.

Сначала Нестеров услышал, как кто-то наверху топчется у двери и не решается. Затем в мастерскую боком, как в холодную воду, вошёл длинный худой парень лет пятнадцати, в чёрной куртке с капюшоном и в кроссовках таких белых, что на них было больно глядеть после апрельского Сампсониевского. Вторую ступеньку он пропустил вовсе, перешагнув со своей длиной сразу на третью.

Он остановился у прилавка и огляделся. Сорок три часа шли вразнобой.

— А почему они все разное показывают?

— Каждые – своё.

Ответ парню, кажется, понравился. Он расстегнул куртку и достал из внутреннего кармана свёрток в носовом платке. Платок был мужской, клетчатый, старый, отглаженный кем-то с большим уважением к платкам.

В платке лежали часы. «Полёт», советские, в позолоченном корпусе, на чёрном кожаном ремешке, который давно растрескался на сгибе. Стекло было целое, стрелки остановились на без десяти три. Нестеров взял часы на ладонь. Они были тёплые: парень нёс их у самого тела.

— Дедовы. У него в пятницу день рождения. Семьдесят три. Я хочу, чтобы к пятнице шли.

— Давно стоят?

— Года два. Он их не носит. Лежат в серванте, в коробке. Он иногда достаёт, смотрит и кладёт обратно. А я решил…

Он не договорил, что решил. Нестеров перевернул часы. На задней крышке, под затёртой позолотой, была гравировка, сделанная когда-то в мастерской при автобазе, неровной рукой и с пропущенной запятой: «Л. И. Пыжову 20 лет безаварийной работы. 1994».

Нестеров прочёл гравировку дважды. Ничего не изменилось ни в его лице, ни в его руках. Держать руки неподвижно его научил старик раньше всего прочего: часы не любят, когда у мастера что-нибудь происходит внутри.

— Почему сюда? На Выборгской мастерских много.

— Дед сказал – только сюда. Говорит, тут хороший мастер. Он сюда людей возит.

Нестеров поднял глаза от часов.

— Он на пенсии, у него машина. Пишет объявления: аэропорт, поликлиника, дача. И если у кого часы ломаются, говорит: на Сампсониевском, в подвале, мастер честный. Он всем так говорит. Лет восемь уже.

Этих людей Нестеров помнил. Лица у него держались плохо, но фразу, с которой они входили, он помнил: «Мне водитель вас посоветовал. Пожилой такой, в куртке, застёгнутой до горла». Нестеров ни разу не спросил, как водителя зовут. Был благодарен ему, как бываешь благодарен погоде.

— Сколько будет стоить? – И сразу, заранее приготовленным тоном: – У меня есть три тысячи.

Нестеров вскрыл заднюю крышку. Механизм был ухоженный, но густая старая смазка в нём застыла, как мёд в холодильнике, и одно колесо сидело косо. Чистка, смазка, колесо, ремешок.

— Четыре пятьсот. С ремешком пять.

В парне боролись арифметика и достоинство.

— А скидка внуку ветерана труда есть?

— Пусть дед придёт сам. Ему будет.

— Он не может. Он вообще не знает, что я их взял. Это сюрприз.

— Тогда без скидки.

— Четыре тысячи. И ремешок я сам куплю. На Сенной.

— Там тебе продадут такой, который через месяц порвётся. И будешь ты, внук ветерана труда, на дне рождения деда с часами на верёвочке.

Парень хмыкнул.

— Ладно. Пять. Но к пятнице.

Нестеров промолчал и раскрыл квитанционную книжку.

Деньги парень достал не из кошелька, а из чехла телефона: сложенные вчетверо тысячные, несколько пятисоток и сторублёвки, разглаженные под книгой. Пересчитал дважды, шевеля губами. Это были не родительские деньги. Чужие деньги отдают быстро. Свои – отпускают.

— Копил?

— На наушники.

— А уши?

— Подождут. Дед семьдесят три раз в жизни будет.

Логика была безупречная.

— Фамилия? Твоя, ты сдаёшь.

— Георгий Пыжов. Ну, Гоша. Фамилия у меня по деду, мама так записала.

Нестеров написал: «Пыжов Г. Часы наручные „Полёт“, жёлт. корпус. Чистка, смазка, замена ремешка. Готовность 09.04». Буквы вышли ровные, как чужой почерк.

III

Гоша не уходил. Он бродил вдоль стены и разглядывал часы, наклоняя голову то влево, то вправо.

— А эти вот, с кукушкой, – вы их тоже чините?

— Если принесут.

— А сами кукушки? Они пластмассовые?

— У хороших – деревянные.

— А у плохих?

— Врёт, сколько времени.

Гоша засмеялся и сразу оборвал смех. Остановился у верстака и сказал, глядя не на Нестерова, а на часы:

— Он вообще хороший. Дед. Его раньше все ругали, а он хороший.

— Кто?

— Ну, все. Мама. Соседи. Его в одиннадцатом году судили. Он человека сбил. Ночью, на шоссе. – Гоша говорил быстро, чтобы не передумать. – Условно дали. Он не сидел. И он был не пьяный, вы не думайте.

Нестеров положил отвёртку на верстак. Не бросил, а положил.

— А потом?

— В прошлом году он сам пошёл в следственное управление. С мамой, без адвоката. Пришёл и сказал, что за рулём был не он. – Гоша вдохнул. – Мама потом два дня с ним не разговаривала. За то, что пятнадцать лет молчал. А потом сказала: правильно. И пирог испекла.

— А кто тогда?

Гоша дёрнул молнию на куртке вверх и вниз.

— Дед говорит: это не моя история, чтобы её рассказывать. – Он сказал это чужим, взрослым голосом, явно не в первый раз. – Я его второй раз потом в управление возил. То есть он меня возил, а я в коридоре сидел. Кроссворд за него разгадывал. Там было «река в Сибири», пять букв. А телефон сел.

Нестеров не понял, знает ли парень. Мальчишки в пятнадцать дёргают молнию одинаково, когда не знают и когда знают слишком много.

— Енисей.

— Шесть.

— Ангара.

— Тоже шесть. – Гоша посчитал на пальцах. – Ну вот. Я так и не разгадал.

— Значит, и мне не судьба. Я по механизмам, не по буквам.

— Дед бы разгадал. Он в кроссвордах зверь.

Гоша застегнул куртку и задержался взглядом на вывеске, которую изнутри можно было прочесть только в зеркальном отражении в стекле двери.

— А почему «точное время не продаём»?

— Его по радио дают. Оно государственное. А у меня каждые отстают на своё.

Гоша прикинул что-то про себя.

— Это как у нас в классе.

Нестеров не понял, что у них в классе, но переспрашивать не стал. Парень поднялся по ступенькам, перешагнул через вторую, и дверь за ним закрылась.

Сорок три часа шли вразнобой, и в шуме по-прежнему не было ни одной дыры. Дыра была в другом месте.

Под копиркой на втором листе квитанции осталось бледное фиолетовое «Пыжов Г.», зеркальное, как вывеска в дверном стекле.

Лаврентий Ильич Пыжов. Эту фамилию Нестеров выучил раньше, чем научился заново ходить. Её назвал следователь утром девятого июля, когда Нестеров лежал под капельницей в Елизаветинской и не чувствовал ног: «Водитель явился сам. Пыжов. Пятьдесят семь лет». Через неделю этот человек сидел у него на кровати. Грузный, с широким лицом, он дышал тяжело, как после третьего этажа пешком. Сказал: «Прости, это я». И положил на тумбочку конверт. «От хозяина». Конверт Нестеров вернул через следователя нераспечатанным. Он не хотел, чтобы за его ногу кто-то был ему должен. Или он кому-то.

А ночью, на шоссе за Лисьим Носом, над ним наклонялся человек. Нестеров помнил фары сзади, удар, асфальт у самого лица, пахнущий дневной жарой. Помнил свет, яркий, белый, от которого нельзя было отвернуться: шея не слушалась. В свету стоял человек. Постоял и ушёл. Машина уехала. Все эти годы у человека в свету было лицо – широкое, тяжёлое, с одышкой. Лицо Пыжова. Нестеров говорил себе, что зла на это лицо не держит. И помнил его, не каждый день, но регулярно, как ноет нога на дождь, и привык к этой памяти так, что перестал называть её злостью.

И где-то в самом углу памяти лежала одна строчка, которую он однажды прочёл и отложил. В протоколе осмотра машины: «Водительское кресло отодвинуто в крайнее заднее положение». Пыжов был невысокий. Метр шестьдесят восемь, это тоже было в бумагах. Человек такого роста, отодвинув кресло до упора, достаёт до педалей носками. Если вообще достаёт.

Нестеров споткнулся об эту строчку в больнице, ночью, и отогнал её: мысль требовала что-то делать, а он тогда учился держать ложку. Позже она приходила ещё несколько раз, всё реже. Каждый раз он говорил ей: «Ну и что». И она уходила.

Осенью в мастерскую приходил человек. Лесовой, финансовый аналитик, вежливый, с усталыми глазами. Спрашивал про ту ночь, листал папку, задержался на одной странице и ничего не сказал. Нестеров тогда ответил ему: «Пятнадцать лет я строил жизнь, где мне никто не должен и я никому. Ваша правда – это снова долг. Не мой». Лесовой ушёл. Визитку не оставил. Нестеров и не просил.

А теперь человек, которого он столько лет не мог простить, сам пошёл в следственное управление и сказал, что за рулём был не он. И восемь лет присылал ему клиентов. И отправил к нему внука с часами.

«Дед сказал – только сюда».

— Ну и что, – вслух сказал Нестеров.

Мысль на этот раз не ушла.

IV

Вечером, когда за окном под потолком по тротуару пошли ноги – в ботинках, в кроссовках, в резиновых сапогах, – он закрыл дверь на ключ, повесил табличку «Закрыто» и не пошёл домой.

Полка над верстаком была старая, ещё стариковская, из толстой фанеры. Там стояли коробки с деталями, подписанные химическим карандашом, банка с часовым маслом, жестянка из-под монпансье с ключами и папка. Обычная картонная папка на завязках, серая, разбухшая. Сорок листов пересъёмки, а между ними его выписка из больницы и квитанция из ателье. В одиннадцатом году, когда он только вышел из больницы на костылях, следователь, человек случайный и, кажется, добрый, разрешил ему переснять материалы дела. Нестеров

снял листов сорок и распечатал их в фотоателье на Лесном. Бумага была честнее телефона: она не обновлялась.

Он снял папку с полки и положил на верстак. Пыль на картоне лежала ровно, только в углу остался след пальцев. Лесовой, осенью. Больше папку никто не трогал.

Завязки он не развязал.

Вместо этого он взял «Полёт» и вынул механизм. Под лупой всё оказалось, как он и ждал: смазка загустела, а у колеса погнута ось – часы, видно, когда-то уронили. Работы было часа на три.

Он разобрал механизм, разложил детали на белой бумаге по порядку и опустил в промывку. Руки делали своё, а голова, которой полагалось молчать, возвращалась к одному и тому же.

Пыжов восемь лет не заходил сам. Присылал людей с часами. Как присылают деньги, когда не могут прийти. Нестеров вернул ему тот конверт, первый, и Пыжов, видимо, понял. И стал платить другой монетой, той, которую нельзя было вернуть. Каждый, кто спускался по четырём ступенькам и говорил: «Мне водитель посоветовал», – был переводом от Пыжова. Нестеров принимал эти переводы восемь лет и не знал, от кого они.

Это было неприятно, как найти в столе квитанцию на долг, который за тебя давно кто-то платит.

Ось он выправил под лупой, поставил колесо на место и тронул пинцетом. Колесо больше не косило.

Кресло в крайнем заднем положении. Метр шестьдесят восемь. Широкое лицо у кровати, широкое лицо в суде. Он прикинул ещё раз, и опять не сошлось.

Кресло, конечно, могли отодвинуть и после. На стоянке, при осмотре, любой, кто садился за руль, чтобы отогнать машину. Это он себе тоже говорил, шестнадцать лет назад, в больнице. Строчка ничего не доказывала. Она просто не сходилась.

А кто тогда стоял?

Он не хотел этого знать. За таким знанием всегда приходит следующее, и каждое потребует подняться по четырём ступенькам и куда-то идти. Жизнь у него получилась хорошая. Небольшая, но своя, и без долгов.

В девять вечера он собрал механизм и смазал: по капле на кончике иглы, не больше, лишнее масло для часов хуже грязи. Вставил механизм в корпус и завёл.

Часы молчали секунду, другую. Наконец в них что-то вздохнуло и пошло. Тиканье было тонкое, почти неслышное в шуме сорока трёх других, но Нестеров различал его отдельно, как слышат в толпе знакомый голос.

Он выставил время по своим наручным.

Он положил «Полёт» на белую бумагу рядом с серой папкой, циферблатом вверх. Часы шли. Папка лежала завязанная, с отпечатком чужих пальцев в пыли.

Ремешок он поменяет завтра. В пятницу дед откроет коробку и, может быть, догадается, где чинили часы. Это уже было не его, Нестерова, дело.

Он выключил лампу. В темноте шли сорок четыре часа: сорок три мастерских и пыжовский «Полёт» на верстаке. Он снял с крючка трость и запер дверь на два оборота.

Папку он так и не развязал.

Глава вторая. Член совета дома

I

Редакция «Невских ведомостей», Петроградская сторона. Вторник, 6 апреля 2027 года, утро.

Кактус на подоконнике у Эрнеста Гайдукова пережил трёх главных редакторов и теперь присматривался к четвёртому. Четвёртый был молод, носил кроссовки к пиджаку и говорил «давайте сверим ожидания», а кактус ожиданий не сверял ни с кем с девяносто восьмого года.

Сам Эрнест в кабинет заместителя не вернулся. В марте ему предложили, он поблагодарил и остался обозревателем, в углу общей комнаты, у окна на Большой проспект. Кактус переехал вместе с ним, в той же треснувшей керамике. Главный редактор решил, что это принципиальная позиция, и начал с Эрнестом советоваться. Эрнест решил, что кактусу в кабинете заместителя было бы тесно, и советоваться не мешал.

— Садись, – сказал он, когда Алиса подошла. – Прочти.

На экране висел документ на полторы страницы, с шапкой редакции и подписью главного: «О материалах, в которых сотрудник редакции является заинтересованным лицом». Не писать о своём деле, не править чужое о нём, не передавать автору того, что узнал как участник, колонку от первого лица – один раз, после окончательного решения и с пометкой.

— Это про меня, – сказала Алиса.

— Правило общее. Но писали, конечно, глядя на тебя. – Эрнест снял очки и протёр их краем свитера, что означало длинную мысль. – Я сам предложил. Главный хотел мягче. Я сказал: мягче нельзя. Если мы в этом году хоть раз ошибёмся в деле твоего отца, то это будет не наша ошибка. Это будет твоя. А тебя, Шелестова, после прошлой осени будут читать с лупой.

— Я привыкла.

— Теперь будут с двумя.

Алиса дочитала. Пункт четвёртый был о том, кто вместо неё. Дело Шелестова ведёт Даниил Курочкин. Сведения от Алисы Шелестовой он не получает. Если она сообщит что-то сама – передаёт главному, не в текст.

Курочкин сидел через два стола, в наушниках, и делал вид, что не слышит. Ему было двадцать девять, писал он быстро и чисто, и за три года Алиса ни разу не поймала его на непроверенной цифре. Это было хорошо. Хуже было то, что Курочкин теперь будет звонить следователю, которому звонить хотелось ей.

— Я согласна, – сказала она.

— Поэтому и дал читать до того, как подпишет главный. – Эрнест надел очки. – Теперь вторая новость. Ты мне в ноябре говорила про женщину из Мурина.

— Ремизова.

— Она написала ещё раз. Мне, а не тебе: тебе, по её словам, неудобно надоедать. – Он подвинул к ней распечатку. – Протечки, акты, деньги со спецсчёта. Подпись, которую она не ставила. Это не про твоего отца. Это просто дом, в котором течёт крыша. Мурино – твоё. Без прошлого.

— Ты меня ссылаешь?

— К людям. У которых есть настоящее. Полгода ты пишешь про мёртвых. Хорошо пишешь, честно. Но мёртвые не спорят. Тебе полезно, чтобы с тобой опять поспорили.

Письмо было длинное, в абзацах без отступов, с цифрами через точку и номерами квартир. Подпись внизу: «З. Ремизова, член совета дома № 3. Бывший диспетчер УВД Пулково. Пишу коротко, по-диспетчерски».

Коротко было на три страницы.

— Если это коротко… – сказала Алиса.

— Я тоже заметил. Возьми машину редакции, водитель всё равно с утра без дела. И пообедай там. Говорят, в Мурине есть теперь где.

II

Мурино. Вторник, 6 апреля, день.

Мурино начиналось внезапно: только что было поле с последним грязным снегом, и вот уже дома по двадцать пять этажей, плечом к плечу. На первом этаже каждого дома было одно и то же: пункт выдачи заказов, стоматология, пункт выдачи, кофейня, пункт выдачи. Город, в котором всё привозят.

Дом № 3 замыкал ряд у Охтинской аллеи, лицом к полю, за которым начиналась кольцевая. С поля дуло. Дом был семнадцатиэтажный, на ступеньку ниже соседей, и казался от этого скромнее, как младший брат на семейной фотографии.

Зоя Ремизова ждала у подъезда. Алиса узнала её сразу, хотя никогда не видела: невысокая, плотная, в синей ветровке поверх свитера и в шерстяной шапке, натянутой ровно до бровей. В руке у неё была толстая папка на резинке, под мышкой – тетрадь в коленкоровом переплёте. Шапку она то и дело поправляла свободной рукой, хотя шапка сидела ровно.

— Шелестова? – Рукопожатие было короткое и сухое. – Ремизова. Зоя Фёдоровна. Можно Зоя. Вы не замёрзли? Я вас тут с половины держу, а у нас с поля всегда так. Я уж думала, не приедете.

— Кольцевая стояла.

— Она всегда стоит. Сначала к Ткачукам. Без них вы ничего не поймёте. Потом ко мне, документы. Лифт работает через раз. Сегодня, по моим наблюдениям, раз.

Лифт работал. На семнадцатом этаже пахло мокрой штукатуркой, и Алиса решила было, что в подъезде ремонт, а потом подняла голову.

Потолок на площадке был в тёмных разводах, похожих на карту несуществующих островов. Под самым мокрым островом – синее пластмассовое ведро, на треть полное, и пустой пятилитровый баллон с отрезанным верхом. Резервный.

— Борт три-семнадцать, – сказала Зоя. – Протечка, посадка в ведро. Это я так записываю. Привычка.

Дверь в квартиру 312 открыл мальчик лет шести, серьёзный, вихрастый, в футболке с экскаватором. В руке он держал деревянную школьную линейку, сантиметров на тридцать, с чернильным пятном у отметки «двадцать».

— Здравствуйте. Вы из газеты?

— Да.

— Тогда вам надо на кухню. Там больше всего.

— Тёма, дай людям войти. – В прихожую вышла молодая женщина с рыжими волосами, собранными в узел, в фартуке, перепачканном мукой. Олеся Ткачук. – Извините. Я тесто ставлю. То есть у соседки ставлю, а сюда прибежала: Зоя Фёдоровна сказала – в одиннадцать сорок. Она всегда так, минута в минуту, попробуй опоздай.

Кухня у Ткачуков была светлая, с большим окном на поле, и потолка у неё не было. То есть был, но не тот. От натяжного полотна остались белые лохмотья по краям, у карниза. Ниже, на деревянных рейках, была натянута мутная строительная плёнка, и она провисла брюхом почти до верха холодильника. В брюхе плескалось. Под самым низким местом стояли два ведра и таз, и вода в них была цвета некрепкого чая.

— Натяжной два года держал, – сказала Олеся. Объяснение было чужое, мастерово. – Мастер говорил, это даже хорошо: был бы обычный, всё бы рухнуло. А в феврале лопнул. Ночью, как выстрел, Тёма под стол залез. Теперь вот плёнка, временная. Раз в неделю мастер приходит, сливает в таз и подклеивает. Тысячу за раз. – Она повернулась к окну. – Течёт с осени двадцать четвёртого.

Над холодильником висел листок в клетку, прикреплённый синей изолентой и расчерченный от руки, старательно и криво. Сверху большими печатными буквами, с перевёрнутой «Я»: «ЖУРНАЛ ВЁДЕР». Под шапкой – столбик: число, сколько вёдер, сколько сантиметров в тазу. Последняя строка: «6 АПРЕЛЯ. УТРО. 2 ВЕДРА. ТАЗ 11 СМ».

— Это я пишу, – сообщил Тёма. – Утром, и ещё когда капает. Папа уходит рано, мама печёт, а я меряю.

— А зачем?

Тёма почесал линейкой за ухом.

— Мама велела. А за каждую строчку мне конфета.

Алиса сфотографировала журнал, потолок, таз, линейку в руке у Тёмы. Олеся рассказывала у пустой плиты. Квартиру купили в двадцать первом, в ипотеку, на двадцать пять лет. Потекло осенью двадцать четвёртого. Управляющая компания «Северный двор» обещала, что весной двадцать пятого кровлю перекроют: деньги на спецсчёте есть, подрядчик выбран. Весной перекрыли соседний подъезд и сказали, что их очередь осенью. Осенью сказали, что работы выполнены.

— Кем?

— На бумаге. Нам Зоя Фёдоровна потом акт показала. С подписями. – Олеся вытерла о фартук руки, хотя они были уже чистые. – А у нас течёт. Я торты на заказ пеку. Я не могу печь, когда над головой вода. Теперь пеку у Светы из двести девятой, по вечерам, за торт в месяц. Денис городской автобус водит, от Девяткина. Хочет в Питере на трамвай переучиться, там платят лучше и ночных меньше. Учится по вечерам. А вечером тут таз.

Она помолчала.

— Денис хотел сам на крышу полезть. Зоя Фёдоровна не дала.

— Без допуска, – сказала Зоя. – Упадёт – и у них ещё и это.

III

Квартира Зои была на девятом, двухкомнатная, с геранью на всех подоконниках и с фотографиями внуков на холодильнике, под магнитами из Анапы. На столе – карандаши, калькулятор с большими кнопками, тонометр в чехле и перекидной календарь.

— Давление, – сказала Зоя, перехватив взгляд Алисы, и убрала тонометр в ящик. – С осени скачет. Как дождь, так я ночью встаю и слушаю: капает у Ткачуков или нет. Отсюда не слышно, а я всё равно слушаю. Чай будете? У меня только чёрный. Я в зелёный не верю.

Пока кипел чайник, Зоя раскладывала на столе бумаги слева направо, по датам, и дважды переложила одну и ту же.

Первой легла тетрадь в коленкоре. На обложке наклейка: «Дом 3. Кровля. Журнал». Внутри – записи, ровные, мелкие, по датам. «02.11.2024. Кв. 312, кухня, капает. Кв. 308, спальня, пятно. Сообщено в УК, вх. № такой-то». «15.03.2025. Обещали весной. Срок не назван». «22.05.2025. Над вторым подъездом залатали одну секцию. Над нами нет». Записи шли без пропусков.

— Олеся сказала, весной перекрыли соседний подъезд.

— Это им в управляющей так объяснили. Одна секция, латка. – Зоя поставила перед ней чашку. – Я тридцать один год в Пулкове отработала, на вышке. Там так: если не записано, значит, не было. А если не было, вас потом спросят, почему не было, и вы не ответите.

Алиса перелистнула на октябрь двадцать пятого. «07.10.2025. Видела на крыше двоих в оранжевом. Ходили 20 мин., ушли. Ничего не делали». «14.10.2025. Бочаров был, сказал: работ нет». «20.10.2025. Течёт. 312 – 3 ведра».

— Бочаров – это кто?

— Инженер управляющей компании. Матвей Бочаров. Молодой, лет тридцать пять, с планшетом. Пришёл ко мне четырнадцатого октября, я спросила: когда кровля? Он сказал: работ нет. Я записала.

— Он имел в виду, что работы не ведутся?

— Не знаю. Я записываю, что говорят. – Зоя отодвинула тетрадь на шаг вправо и положила на её место файл. – Те сканы, что я вам в ноябре слала, – это акты двадцать четвёртого года, текущий ремонт. Латки. Их Пётр Никанорович подписывал, а латок мы так и не увидели. А этот пришёл ко мне в марте. Через жилинспекцию, областную. Я туда писала с прошлой осени, раз в месяц, по инстанции. В марте прислали выписку по спецсчёту и копию акта. Управляющая компания его нам не показывала. Ни мне, ни совету, ни людям.

Акт был на трёх листах, ксерокопия, косо. «Акт о приёмке выполненных работ по капитальному ремонту крыши многоквартирного дома». Дом № 3. Демонтаж старого покрытия, устройство нового, примыкания, водоотвод. Сумма. Подрядчик – ООО «КровСтрой Норд», юридический адрес в Кудрове. Дата – двадцать восьмое октября двадцать пятого года.

Подписи стояли внизу третьего листа, в четыре строки. От подрядчика – подпись и печать. От управляющей компании – подпись директора и печать. От собственников: «Уполномоченное лицо – Сазонов П. Н.» и подпись. «Член совета дома – Ремизова З. Ф.» и подпись.

— Сазонов, – сказала Зоя, – Пётр Никанорович. Председатель нашего совета, уполномоченный собрания. С двадцатого октября по пятнадцатое ноября лежал в Мечникова. Я к нему ездила. Двадцать восьмого он был в реанимации, на аппарате. В январе умер. Не от этого, от сердца. Но двадцать восьмого октября он ручку держать не мог.

— У него есть родные?

— Дочь, в Колпине. Телефон дам.

Алиса записала даты и сбоку поставила: «Мечникова – подтвердить у больницы или у дочери». Зое она верила. Но Зоину тетрадь в газете не напечатаешь.

Подпись Сазонова была уверенная, с росчерком.

— А это, – Зоя положила палец на четвёртую строку, – моя подпись.

Алиса подняла глаза.

— Моя. – Зоя не повысила голоса. – Я так расписываюсь с семьдесят девятого года, с тех пор как паспорт получила. «Р», потом петля, потом росчерк вниз и черта. Это моя подпись. Я её не ставила.

В квартире было тихо. На кухне капал кран. Зоя, кажется, не замечала.

— Вы уверены? Иногда люди подписывают много бумаг подряд не читая…

— Я квитанцию за свет и ту от строчки до строчки. Дочь смеётся. – Зоя сказала это без обиды, как сообщают факт. – И двадцать восьмого октября я весь день была у Сазонова в больнице, потом у дочери в Купчине, потом дома. Это у меня записано.

Она достала из ящика старый перекидной календарь и нашла страницу. «28.10. Мечникова. П. Н. без изм. Вечер – Лена».

— Тогда как?

— Вот это я и хочу узнать. – Зоя откинулась на спинку стула и впервые за всё время немного ссутулилась. – Я думаю, Бочаров. Он ходил к нам с бумагами. Всегда он. Договор, план работ, уведомления. Я подписывала, он уносил. У него моих подписей было много. А четырнадцатого октября он мне сказал: работ нет. – Она постучала по тетради. – Чтобы я успокоилась и не полезла. Понимаете? Правду сказал, а вышло – враньё прикрыл. Хитро же.

Алиса записала. Записала и то, что Бочаров сказал Зое правду, и то, что Зоя сочла эту правду хитростью.

— А вы писали в управляющую компанию? Сами, письменно?

— Десять раз. – Зоя вынула из папки стопку листов. – Это копии, с отметками о приёме. Я всегда в двух экземплярах: один им, на втором пусть поставят штамп.

Алиса пересчитала.

— Здесь семь.

— Три я в марте в полицию отдала, к заявлению. – Зоя нахмурилась, будто это была её недостача. – Не догадалась себе отксерить. Там номера есть, в тетради, всё записано.

Алиса пометила в блокноте: «3 жалобы – в полиции, сверить номера по журналу». Зоя перебрала стопку, и среди листов мелькнула февральская, двадцать пятого года, о протечке над Ткачуками. Наконец Зоя вытянула последнюю, сентябрьскую, с синим штампом «Принято» и чьими-то инициалами.

— Сама отнесла, в приёмную. Девочка поставила штамп, говорит: передам руководству. Руководство не ответило.

Ровный почерк, абзацы без отступов, «Прошу в срок до… принять меры…» и подпись внизу: «Р», петля, росчерк вниз, черта. Алиса отложила лист не задумываясь.

Под стопкой жалоб лежал ещё один документ, сшитый скрепкой: «Протокол общего собрания собственников помещений многоквартирного дома № 3. Июнь 2024 года».

— Это?

— Собрание, где мы выбирали, кто будет держать спецсчёт. – Зоя пододвинула протокол к ней, но не открыла. – Решили – управляющая компания. Чтобы людям не возиться. И чтобы подрядчика выбирала она. Сазонов был председатель собрания, я – секретарь. Всё по закону. Кворум был, я лично считала.

На последней странице, под словом «Секретарь», стояла та же подпись: «Р», петля, росчерк, черта.

Алиса ничего не сказала. Секретарь собрания обязан подписывать протокол. Только пододвигала его Зоя, глядя в окно, где ветер гнал по полю обрывок полиэтилена.

Зоя вынула из файла выписку.

— Договор по нашему дому – шесть миллионов сто сорок тысяч. Аванс тридцать процентов, миллион восемьсот сорок две тысячи, в июле двадцать пятого. Остаток, четыре миллиона двести девяносто восемь, – в ноябре, после акта. По первому и второму дому договоры такие же. Всего восемнадцать миллионов четыреста двадцать тысяч. – Она положила выписку на акт, край к краю. – Восемнадцать миллионов за крышу, которой нет. И моя подпись.

— Вы были в полиции?

— В марте. Написала заявление. Мне сказали: ждите. – Зоя не отвела глаз. – Вы мне в ноябре ответили одной строкой: «Посмотрю». Я понимаю, у вас тогда было своё. Я видела в газете, про вашего отца. Я поэтому вам и написала: вы признали ошибку. Публично. Я таких людей мало видела.

Алиса закрыла блокнот.

— Я не обещаю, что найду, кто подделал подпись.

— И не надо. – Зоя поднялась, собрала чашки. – Я прошу, чтобы кто-то посмотрел. Не полиция, не жилинспекция, те уже смотрели. Человек. Посмотрел и сказал, что видит. А дальше я уж сама.

IV

Перед отъездом Алиса снова поднялась на семнадцатый: ей хотелось ещё раз увидеть журнал на стене.

Олеся ушла печь к соседке. Дома были Тёма и бабушка Дениса, маленькая, в вязаной кофте, у телевизора. Тёма взобрался на табуретку под плёнкой и задрал голову. В брюхе у плёнки покачивалась вода.

— Сейчас будет капать, – сообщил он.

— Откуда ты знаешь?

— Там пузырь двигается. Когда пузырь вон туда доходит, капает.

Пузырь дошёл. Капля сорвалась с края плёнки, где была заклеенная дырочка, и упала в таз. Тёма слез с табуретки, опустил в таз линейку, вынул, сверился с мокрой отметкой и сказал:

— Двенадцать.

Он взял с холодильника фломастер и под утренней строкой, сопя от старания, вывел: «ДЕНЬ. ТАЗ 12 СМ». «Я» в этот раз не понадобилась.

— Утром было одиннадцать, – сказала Алиса.

— Ага. Каждый раз прибавляется. – Тёма закрыл фломастер. – Мама говорит, когда придут, надо будет показать. А то никто не верит.

Алиса ждала.

— Взрослые. – Он положил линейку на холодильник, рядом с фломастером, аккуратно, параллельно краю. – Мама говорит, им надо в сантиметрах. А у меня линейка только до тридцати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.